

Revue mensuelle

Январь 1934

LE MESSENGER

ВѢСТНИКЪ

РУССКАГО СТУДЕНЧЕСКАГО
ХРИСТІАНСКАГО ДВИЖЕНІЯ

- I -

1934

ПАРИЖЪ

9-ий годъ изданія.

Цѣна номера 2 фр.

„ВѢСТНИКЪ“

(Девятый годъ изданія).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1934 Г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ — 20 франц. франковъ (или эквивалентъ 20 фр. по курсу дня).

ДЛЯ ДВИЖЕНЦЕВЪ, СТУДЕНТОВЪ, РАБОЧИХЪ, — 15 франц. франковъ (или эквивалентъ 15 фр. по курсу дня).

„ВѢСТНИКЪ“ въ этомъ году будетъ удѣлять особое вниманіе освѣщенію идеологическихъ исканій современности и дать рядъ очерковъ, посвященныхъ характеристикѣ „пореволюціонныхъ“ теченій среди русской молодежи.

„ВѢСТНИКЪ“ расширяетъ информацию о Совѣтской Россіи и въ каждомъ № будетъ давать матеріалъ, освѣщающій положеніе въ Сов. Россіи.

Пробные №№ по первому требованію высылаются бесплатно.

Въ февральскомъ № „Вѣстника“ будутъ напечатаны статьи Г. П. Федотова „Россія, Евразія, Византія“ (запись доклада). „О. Іоаннъ Кронштадтскій какъ законоучитель“ (изъ воспоминаній) и другія.

О Г Л А В Л Е Н І Е № 1 (1934)

Парижъ. Январь 1934 года	3
Наше Знамя (конспективная запись слова о. С. Булгакова)	5
Путь вѣры	7
Автобіографія отца Іоанна Кронштадскаго	11
Культура сердца. (Запись по памяти доклада проф. Б. П. Выше-славцева)	13
Къ особенностямъ творчества И. А. Бунина. В. Н. Ильинъ	21
Итоги безбожной пятилѣтки. — И. Лаговскій	26
Письмо въ редакцію	31

РУССКОЕ СТУДЕНЧЕСКОЕ ХРИСТИАНСКОЕ ДВИЖЕНІЕ ЗА РУБЕЖОМЪ ИМѢЕТЪ СВОЕЮ ОСНОВНОЮ ЦѢЛЮ ОБЪЕДИНЕНІЕ ВѢРУЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ ДЛЯ СЛУЖЕНІЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ПРИВЛЕЧЕНІЕ КЪ ВѢРѢ ВО ХРИСТА НЕВѢРЮЩИХЪ. ОНО СТРЕМИТСЯ ПОМОЧЬ СВОИМЪ ЧЛЕНАМЪ ВЫРАБОТАТЬ ХРИСТИАНСКОЕ МИРОВОЗЗРѢНІЕ И СТАВИТЬ СВОЕЮ ЗАДАЧЕЙ ПОДГОТОВЛЯТЬ ЗАЩИТНИКОВЪ ЦЕРКВИ И ВѢРЫ, СПОСОБНЫХЪ ВЕСТИ БОРЬБУ СЪ СОВРЕМЕННЫМЪ АТЕИЗМОМЪ И МАТЕРИАЛИЗМОМЪ.

Парижъ. Январь 1934 года.

Проповѣдь о пришествіи въ міръ Спасителя началась словомъ о покаяніи. Слово о покаяніи — личномъ и общественномъ — должно съ особой силой звучать и въ наши дни — въ дни кризиса, суда Божьяго. Покаяніе — не только раскаяніе въ минувшей неправдѣ, сокращеніе о бывшемъ грѣхѣ, но и непреклонная воля къ исправленію, неустанный трудъ надъ созиданіемъ въ себѣ и въ жизни новаго, совершеннѣйшаго.

Все явственнѣе, примѣтнѣе знаки усиленія грѣха и зла въ мірѣ, все нагляднѣе признаки возможной мировой катастрофы.

Лихорадка вооруженій, возрастающая ненависть между отдѣльными социальными группами, ожесточенная борьба за власть между различными партійными группировками, использующими власть не для служенія общему благу, а для обезпеченія личныхъ или узко — классовыхъ и групповыхъ интересовъ, грандіозная

мошенничества во всѣхъ странахъ достаточно убѣдительно и показательно. Такъ ослабѣли всѣ устои, господствуетъ такая растерянность и безволие, что только еще чудомъ милости Божіей держится старѣющей міръ.

Но — по слову апостола — будетъ въ судьбахъ міра моментъ, когда „удержающей“ — сила Божія, спасающая міръ отъ распада и окончательнаго безумія, будетъ взята отъ міра.

Міръ, люди „за то, что не приняли любви истины для своего спасенія“ сами себя обрекутъ на то, что „пошлетъ имъ Богъ дѣйствіе заблужденія, такъ что они будутъ вѣрять лжи, да будутъ осуждены всѣ, невѣровавшіе истинѣ, но возлюбившіе неправду“ (2 Фессал. 1, 10—12).

Непримиримость по отношенію ко злу ослабѣла въ христіанскомъ сознаніи. Она должна быть возрождена, воспитана, усилена. Подлинная же непримиримость тре-

буетъ не только неприятія зла и обличенія его неправды, но и положительнаго, творческаго искорененія зла прежде всего въ своей личной жизни, а затѣмъ и въ общественно-соціальныхъ и государственныхъ отношеніяхъ, требуетъ личнаго и общаго дѣятельнаго покаянія. Только на путяхъ созиданія новой праведной жизни, на путяхъ творчества добра воспитывается и укрѣпляется подлинная непримиримость по отношенію ко злу.

Пробужденіи и организація христіанской воли для положительной, непримиримой борьбы со зломъ — грандіозная и одушевляющая задача, стоящая предъ нами.

Первымъ шагомъ на пути къ ея осуществленію для насъ, русскихъ, можетъ и должно быть предолѣніе раздѣленія и несогласій, царящихъ внутри нашего церковнаго общества, возсозданіе единства церковнаго сознанія и дѣйствія.

Далѣе, въ православныхъ странахъ гдѣ мы находимся въ качествѣ эмигрантовъ, среди насъ часто замѣчается пренебрежительно-сноснительное отношеніе къ собратіямъ по вѣрѣ, среди которыхъ судилъ намъ Богъ жить. Легко и охотно мы замѣчаемъ недостатки, отступленія, слабости, готовы сказать — „да развѣ это православные“? Въ странахъ, гдѣ мы являемся гражданами новыхъ государствъ, гдѣ въ составъ Православныхъ церквей входятъ цѣлыя приходы и епархіи разныхъ національностей, (Польша, Румынія, Латвія, Эстонія и друг.) взаимное осужденіе и недоброжелательство между православными

разныхъ національностей приводитъ или „къ вооруженному миру“ или выливается въ „партизанскую войну“.

Здѣсь новая задача для каждой такой „смѣшанной“ православ. Церкви, для насъ православныхъ русскихъ въ особенности.

Въ Россіи голодъ. О немъ такъ много писали, такъ каждому извѣстны ужасы его, что ничего не прибавишь къ извѣстному.

По инициативѣ Вѣнскаго Архіепископа Кардинала Инницера возникла лига помощи голодающимъ въ Россіи, недавно состоялась конференція этой лиги. Попытки организовать христіанскую любовь и волю для спасенія голодающихъ собратьевъ по вѣрѣ есть и въ православномъ мірѣ. Всѣ эти попытки нужны и значительны, но недостаточны, разъединены, случайны. Онѣ получатъ полное значеніе, станутъ міровой силой только тогда, когда создается единая организованная воля всего христіанскаго міра. Трудъ надъ осуществленіемъ такого единства — для прямого, яснаго дѣла — трудъ дробный, терпѣливый, личный — отъ сердца къ сердцу и отъ души къ душѣ — есть путь дѣйствительнаго христіанскаго овладѣнія исторіей, созиданія ея.

Минулъ еще годъ. У насъ есть своеобразная психическая иллюзія — минувшее кажется исчезнувшимъ. Эта иллюзія заставляетъ насъ съ вѣрой изъ года въ годъ повторять — „Съ Новымъ Годомъ — съ Новымъ счастьемъ“. Въ этой вѣчной надеждѣ на новое счастье есть много вѣрнаго и творческаго. И прежде всего — вѣрно сознаніе возможности иного, но-

ваго, добраго. Это — сознаніе творческихъ задачъ человѣческой свободы и воли, сознаніе того, что человѣкъ творецъ исторіи, отвѣтственъ за нее. Но вѣрная въ своей основѣ, связанная съ извѣчнымъ сознаніемъ своей свободы и воли, надежда на новое оказывалась и оказывается убаюкивающей, обманчивой. Свобода требуетъ труда, постояннаго напряженія воли, подвига, растеть и раскрывается черезъ трудъ и подвигъ. Новое лучшее

не придетъ фатально, какъ „даровое“. Оно можетъ быть только трудовымъ, волевымъ. Прошлое уходить, но не проходить, остается въ настоящемъ въ своемъ хорошемъ и въ своемъ дурномъ.

Покаяніемъ и подвигомъ изглаживается прошлое въ его дурномъ, творится будущее въ его новомъ и лучшемъ. Только при этомъ условіи со всей силой прозвучитъ. „Съ новымъ Годомъ — съ новымъ счастьемъ“.

Наше знамя *).

Русское Студенческое Христіанское Движеніе я не мыслю оторваннымъ отъ всей исторіи русской культуры и исторіи русскаго православія. Движеніе возникло здѣсь, зарубежомъ, конечно, самостоятельно, изъ глубины души, изъ глубины совѣсти русской молодежи. Но не слѣдуетъ забывать, что оно является прямымъ продолженіемъ того религіознаго движенія русской интеллигенціи, которое возникло еще задолго до войны среди самаго культурнаго слоя русскаго общества. Славянофилы, Достоевскій, Вл. Соловьевъ и рядъ другихъ мыслителей, членовъ Религіозно-Философскаго Общества въ Москвѣ и въ Петербургѣ, были вождями этого новаго движенія, этого возвра-

*) Конспективная записка слова о. С. Булгакова на праздникъ Р. С. Х. Движенія въ Парижѣ (21. XI. 33).

щенія блуднаго сына къ Отцу. Блуднаго — въ смыслѣ блужданія по ложнымъ путямъ атеистическихъ и противцерковныхъ ученій. И блудный сынъ былъ встрѣченъ Отцомъ со всею ласкою и прощеніемъ. Но былъ и другой, старшій сынъ, тотъ который всегда оставался съ Отцомъ, не блуждалъ по ложнымъ путямъ и могъ, конечно, гордиться этимъ. Онъ встрѣтилъ своего брата холодно, съ гордостью и вынужденнымъ снисхожденіемъ. Онъ никогда не хотѣлъ проникнуть въ душу своего младшаго брата, понять его, и принять до конца въ свое сердце.

Наше Движеніе здѣсь я мыслю, какъ завершеніе единаго движенія, возникшаго еще тогда, движенія доказывающаго, что высота культуры, науки и искусства прямо приводитъ къ религіи и

вовсе не соединена, какъ прежде думали, съ необходимымъ позитивизмомъ, матеріализмомъ и атеизмомъ. Были времена, когда народныя массы, безграмотныя или полуобразованныя, были оплотомъ религіи, тогда какъ интеллигенція была разсадникомъ атеизма. Теперь мы имѣемъ прямо обратное явленіе: мужицкій атеизмъ и пролетарское кощунство — съ одной стороны, и студенческое христіанское движеніе — съ другой стороны. Теперь къ религіи приходятъ изъ Аѳинъ*) и религіозные вожди должны быть вооружены всѣмъ оружіемъ современной культуры, должны стоять на высотѣ всѣхъ современныхъ исканій мысли, всѣхъ достижений творческаго духа.

Наше знамя есть знамя Константина, на которомъ написано „Симъ побѣдишь“. Оно изветшало и пробито пулями, но я вѣрю, что вы не склоните его передъ другими враждебными силами. Но если бы даже вы ослабѣли духомъ и склонили его, то другіе поколѣнія, которыя придутъ за вами, все равно поднимутъ это знамя высоко и побѣдятъ имъ.

Есть еще одна задача, которая вручена намъ здѣсь ходомъ исторіи. Это задача христіанскаго воссоединенія, задача такъ называемаго экуменическаго движенія. Мы, разбросанные среди народовъ, должны и можемъ почувствовать эту задачу глубже тѣхъ братьевъ, которые остались въ Россіи, и должны когда-нибудь

*) Аѳины символъ высокой, напряженной культурной жизни.

принести имъ отсюда этотъ свой опытъ и это свое экуменическое сознание. Мы должны умѣть почувствовать „православіе“ у инославныхъ въ силу присущаго намъ искони сознания соборности и вселенскости и не должны изолироваться и уединяться въ гордомъ и нелюбовномъ сознаніи своего „ортодоксальнаго“ преимущества. Христіанскій міръ страдаетъ отъ чувства, отъ сознанія своей разъединенности, которая ослабляетъ христіанское творчество и отодвигаетъ побѣду Константинова знамени.

Слишкомъ много въ мірѣ строится и рѣшается сейчасъ нехристіанскими и даже антихристіанскими силами. Старшее поколѣніе русскихъ религіозныхъ мыслителей начала XX вѣка завѣщаетъ вамъ одну великую идею, идею христіанскаго творчества. Она должна захватывать все болѣе и болѣе всѣ сферы культуры: технику, искусство, науку, социальное строительство. Въ этомъ дѣйствительный смыслъ нашего движенія, исходящаго отъ представителей культуры, науки — только тогда оно можетъ называться Христіанскимъ Студенческимъ Движеніемъ. Только тогда оно можетъ побѣдить своимъ знаменемъ.

Вотъ это знамя, которое я несу своими слабѣющими руками и подъ сѣнью котораго я надѣюсь умереть, вамъ предстоитъ нести мужественно и достойно. Быть можетъ, принести и въ Россію, и ужъ навѣрное передать грядущему поколѣнію.

Путь вѣры.

Святой апостоль Іаковъ въ концѣ II-ой главы своего посланія говоритъ: „Какъ тѣло безъ духа мертво, такъ и вѣра безъ дѣлъ мертва“ (Іак. 2, 26). Обычно слово апостольское о дѣлахъ, оправдывающихъ вѣру, понимается въ смыслѣ дѣлъ благотворенія, въ смыслѣ дѣлъ милостыни, братолюбія, въ смыслѣ соответствія внѣшняго поведенія духу ученія Христа.

Это истолкованіе мысли св. Апостола, конечно, вѣрно и законно и обосновано контекстомъ. Но такое истолкованіе „дѣлъ вѣры“ не раскрываетъ еще мысли апостола до конца.

Въ понятіи „вѣра“ содержится указаніе какъ на самый актъ вѣры, когда душа свободнымъ произволеніемъ утверждаетъ „невидимое, какъ видимое, желаемое и ожидаемое, какъ настоящее“, такъ и на содержаніе вѣры, на совокупность основныхъ истинъ, догматовъ, въ которые человѣкъ долженъ вѣровать.

Когда въ „чинѣ православія“ діаконъ, по прочтеніи Символа вѣры, свидѣтельствуемъ, что „сія есть вѣра истинная, сія есть вѣра апостольская, сія вѣра вселенную утверди“, ясно, что здѣсь идетъ рѣчь преимущественно о содержаніи вѣры, о догматахъ, хранимыхъ и исповѣдуемыхъ св. Церковью. Когда же св. апостоль Павелъ, опредѣляя существо вѣры, говоритъ „Вѣра есть уповаемыхъ извѣщеніе, вещей же обличеніе

невидимыхъ“ (Евр. II, I) рѣчь идетъ преимущественно о самомъ актѣ вѣры, что особенно ярко выступаетъ въ греческомъ текстѣ „вѣра же есть „*ἀπόστασις ἐπιζωμένων*“ (основаніе, подставка для являющагося предметомъ надежды). „*Πραγμάτων ἔλεγχος οὐ βλεπομένων*“ (касаніе — предвосхищеніе дѣяній (дѣлъ) (еще) не зримыхъ“).

Въ условіяхъ обыденной „натуральной“ жизни то, во что вѣрятъ, противостоятъ вѣрующему какъ нѣчто въ себѣ замкнутое, что можно только признать или отвергнуть. Въ условіяхъ благодатной жизни содержаніемъ вѣры являются откровенія о Себѣ живой и живущей Истины „касанія“ вѣчной „приснотекущей“ жизни. Религіозная вѣра, поэтому, всегда „діалогъ“ — человѣкъ ищетъ, спрашиваетъ, Господь снисходитъ и отвѣчаетъ. Безбожники, утверждая, что вѣра — „выдумка“, „измышленіе“, не понимаютъ того, что безотвѣтной „монологичной“ вѣры не можетъ быть, она не нужна человѣческому сердцу. Только мертвые духомъ могутъ думать о вѣрѣ, какъ объ обращеніи къ мертвому. Въ актѣ вѣры между вѣрующимъ и Божествомъ устанавливается особое отношеніе. Истина религіозной вѣры не отвлеченная идея, не абстрактный императивъ, а живое и животворящее и при томъ личное существо, которому мы говоримъ „Отче Нашъ“, или „Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго“

или „Душе Истины, прииди и вселися въ ны“. Говоримъ, и получаемъ отвѣтъ.

По мѣрѣ углубленія духовнаго опыта, возрастанія жизни и дѣйственности вѣры, содержаніе и направленность акта вѣры опознается какъ приближеніе къ тому, въ кого вѣруемъ, какъ задача обоженія (Теозисъ). Въ связи съ этимъ содержаніе акта вѣры при духовномъ ростѣ не остается однимъ и тѣмъ же, съ каждымъ новымъ духовнымъ достиженіемъ оно раскрывается все по новому, обогащаетъ вѣрующего прежде невѣдомымъ. Поэтому то всякая остановка въ духовномъ ростѣ — обѣднѣніе, окрадываніе себя. Попытаемся кратко охарактеризовать эти пути вѣры. Передъ приходящимъ къ Церкви, къ вѣрѣ Христовой, такъ какъ ее исповѣдуетъ церковное сознаніе, невмѣстимой для человѣческаго разсудка тайной встаютъ „великолѣпные и преславные догматы“ Церкви и среди нихъ — прежде всего ученіе о „Троицѣ единосущнѣй и нераздѣльнѣй“, о Словѣ, ставшемъ плотію, пострадавшемъ, умершемъ, воскресшемъ и своими страданіями и воскресеніемъ спасшемъ насъ.

Разумъ въ свободномъ подвигѣ вынуждается, во имя откровенія Истины, отказаться отъ собственной разсудочной ограниченности, преодолѣть привычное, „совлечься ветхаго Адама“. Разсудокъ нудится, какъ бы ставши поперекъ себя, взойти на крестъ вольнаго самоотрицанія, что бы начать сораспятіе со Христомъ. Изнемогая въ борьбѣ съ привычными, кажущимися единственно достовѣрными „априорными и апо-

стеріорными данными опыта“*), разрываемый тысячами сомнѣній и колебаній, человѣкъ наперекоръ „самоочевиднымъ достовѣрностямъ“ міра взываетъ „Вѣрую Господи! Помоги моему невѣрію“.

Поставивъ въ центрѣ своего бытія, вмѣсто самоутверждающагося разсудка Богооткровенную истину о Тріединомъ Богѣ, и Сынѣ Божіемъ, насъ ради воплотившемся, восшедшемъ на крестъ и воскресшемъ, преодолевъ въ актѣ вѣры ограниченность „самоочевидности“, вѣрующей обрѣтаетъ „камень краеугольный“ для построенія всей жизни. Утвердившись на „камень вѣры“ онъ обрѣтаетъ „мѣру и основаніе жизни“ —, по новому воспринимаетъ дѣйствительность, находитъ смыслъ и содержаніе въ томъ, что прежде казалось бессмысленнымъ и пустымъ. „Сокровище вѣры“ раскрывается передъ нимъ не только какъ подвигъ послушанія богооткровенной истинѣ, но и какъ живое содержаніе его собственной жизни, какъ начало, сила котораго ощутимо воспринимается въ самыхъ мельчайшихъ проявленіяхъ жизни. Нѣтъ мѣста чувству одиночества, покинутости, все полно Богомъ и Его Близостью.

Вѣрующей воспринимаетъ себя членомъ живого и разумнаго цѣлага, гдѣ его воля и усилія соприкасаются съ волей и силами другихъ, восполняются силою „Живого Бога“, онъ чувствуетъ,

*) Данными, обуславливающими возможность познанія, организующими познаніе (a priori) и данными, возникающими въ результатъ „обработки“ „чувственныхъ воспріятій“ при помощи априорныхъ данныхъ сознанія (a posteriori). (Кантъ)

что „волось единый не упадетъ съ главы безъ воли Отца Небеснаго“. Отраднѣе увѣренность, являющаяся неизбѣжнымъ слѣдствіемъ укорененности въ Богѣ, рождаетъ сознаніе необыкновенной полноты и безпредѣльности жизни. Это состояніе отраднѣе увѣренности открываетъ возможность воспринять міръ, какъ космосъ, а свое бытіе въ немъ, какъ моментъ вѣчной цѣнности. Оно прекрасно и сильно передается церковной пѣснью: „На камени вѣры утвердивъ, расширилъ еси уста моя на враги моя, возвеселибоса духъ мой, внигда пѣти: нѣсть святъ, якоже Богъ нашъ, и нѣсть праведенъ, паче Тебѣ Господи.“

Если въ первой стадіи актъ вѣры характеризовался какъ состояніе исканія, какъ жажда соприкосновенія съ безтрепетнымъ сердцемъ непремѣнной истины, то теперь вѣра становится организуемой силой, которая, все сводя къ единству основного и живого центра, вноситъ во все начало благообразія, упорядоченія, смысла. Не все объемлетъ человѣкъ, многое для него непонятно и странно, но онъ смиренно пріемлетъ это постижимое, невмѣстимое, какъ слѣдствіе своей ограниченности, какъ слѣдствіе своего несовершенства. Въ горѣннѣ вѣры и въ радости обрѣтеннаго видитъ и путь и залогъ того, что онъ можетъ постичь сейчасъ отъ него скрытое. „Вѣрую, чтобы понимать“, говоритъ онъ. Предъ нимъ стоитъ уже третья стадія вѣры, когда человѣкъ можетъ „уразумѣть вѣру свою“, можетъ видѣть, что она есть поклоненіе „Вѣдомому Богу“.

Этотъ моментъ можетъ быть приблизительно и условно описанъ тѣми же чертами, какими поэтъ изображаетъ состояніе вышаго подъема творчества: „и внялъ я неба содроганіе и горній ангеловъ полетъ, и дольней лозы прозябаніе и гадъ морскихъ подводный ходъ“ съ тѣмъ существоственнымъ различіемъ, что это постиженіе міра и жизни въ ихъ основномъ содержаніи не мигъ, не случайное озареніе вдохновенія, а устойчивое состояніе духа, сопровождающееся чувствомъ такого внутренняго мира и тишины, такой благоуханной сладости и животворной теплоты, что все земное „полюнь и горечь“ по сравненію съ ними.

Духовность и свѣтоносность на высшихъ ступеняхъ вѣры-вѣдѣнія, достигаемыхъ лишь въ результатъ трудовъ и подвига, такъ проникаютъ все существо человека, что преобразуютъ и его видимый образъ и его отношенія къ міру. „Представьте себѣ въ серединѣ солнца, въ самой блистательной яркости его полуденныхъ лучей лицо человѣка, съ вами разговаривающаго. Вы видите движеніе устъ его, мѣняющееся выраженіе его глазъ, слышите его голосъ, чувствуете, что кто-то васъ руками держитъ за плечи, но не только рукъ этихъ не видите, не видите ни самихъ себя, ни фигуры его, а только одинъ свѣтъ, простирающийся далеко на нѣсколько сажень кругомъ, и озаряющій яркимъ блескомъ своимъ и снѣжную пелену, покрывающую поляну, и снѣжную крупу, осыпающуюся сверху меня и великаго старца. Возможно ли представить себѣ

то положеніе въ которомъ я находился тогда.“

(Мотовиловъ о бесѣдѣ съ св. Серафимомъ Саровскимъ). „Въ бесѣдѣ съ нѣкимъ Серапіономъ, навѣстившимъ по произволенію Божию Марка въ его пустынномъ уединеніи, преподобный спрашиваетъ: „Есть ли нынѣ нѣкоторые святые въ мірѣ, творящіе чудеса по слову Господа въ Евангеліи. — „Если имѣете вѣру въ зерно горчичное, скажете горѣ этой: иди отсюда и свергнись въ море, и будетъ вамъ“? Когда праведникъ говорилъ это, вдругъ гора дрогнула, но преподобный сказалъ горѣ — „Я не тебѣ сказалъ двинуться, но бесѣдовалъ съ братомъ, ты же стань на своемъ мѣстѣ.“ Житія святыхъ — многоцвѣтная иллюстрація этого и иного бытія въ этомъ мірѣ.

Конечно, намѣченная схема пути вѣры безконечно груба, по необходимости обѣдняетъ и обезцвѣчиваетъ многоцвѣтную и многообразную жизнь вѣры, но, думается, она до извѣстной степени опредѣляетъ степени, проходимыя каждымъ въ развитіи его вѣры и направленіе этого развитія.

Важно только отмѣтить, что если исходная точка — полное довѣріе и полная волевая побѣда надъ тяготѣніемъ къ „самоочевидности“, то, что именуется „плѣненіемъ разсудка въ послушаніе вѣрѣ“, носитъ до извѣстной степени характеръ теоретическаго рѣшенія, сознательной покорности, то слѣдующія двѣ стадіи могутъ быть жизненны и дѣйствительны только въ томъ случаѣ, когда онѣ носятъ характеръ практической, опытной.

Путь личнаго опыта, трудъ лич-

наго „подвижничества“, восполняемаго благодатными силами церкви, какъ единственный путь подлиннаго Богопознанія, становится несомнѣннымъ, если вдуматься въ природу того, что является содержаніемъ вѣры, въ природу догматовъ.

Догматъ не есть изначальный, непосредственный фактъ религіозной жизни; онъ результатъ логической обработки, абстракціи того что сначала является непосредственнымъ содержаніемъ живого и дѣйствительнаго церковнаго опыта. Догматъ въ логическихъ терминахъ выражаетъ факты таинственнѣйшихъ встрѣчъ души съ Богомъ, факты непосредственнаго религіознаго вѣдѣнія, имѣвшіе свое выраженіе въ обрядахъ, молитвахъ, символахъ, во всей совокупности жизни въ церкви. Догматъ — производное отъ непосредственнаго религіознаго опыта, онъ — „слово Церкви, отвѣчающее слову Божию тогда, когда такой отвѣтъ требуется ходомъ исторіи и развитіемъ религіознаго сознанія“ (Соловьевъ). Догматы являются какъ бы сгущеніемъ въ словѣ, уплотненіемъ въ понятіи живого и вѣчно развивающагося опыта церковной жизни и — вмѣстѣ съ тѣмъ — вѣхами правильнаго пути, „правилами вѣры“.

Отсюда передъ сознаніемъ вѣрующаго съ неизбѣжностью встаетъ жизненная задача такъ сказать переплавки, растворенія въ своей личной жизни, въ своемъ личномъ опытѣ церковной жизни того, что въ кристаллизированномъ, сгущенномъ видѣ дано въ чеканной формулѣ догмата.

Принять догматъ значитъ не только признать его непрелож-

ной истиной, — ибо „и бѣсы вѣрують и трепещуть“ —, но и организовать свою личность такъ, чтобы опытъ ея духовной жизни вмѣстилъ опытъ тѣхъ, кто выразилъ этотъ опытъ въ догматѣ. „Познать догматы“ — значитъ

принять за основу своего жизнеустроенія заповѣдь св. Іоанна Златоустаго — „Пусть жизнь соотвѣтствуетъ догматамъ, а догматы будутъ глашатаями жизни“ . . . — таково путь вѣры, оправдываемой дѣлами.

Автобіографія

О. Іоанна Кронштадтскаго. *)

Единственная автобіографія О. Іоанна, напечатанная въ журналѣ „Сѣверъ“ за 1888 годъ, такъ описываетъ первые, подготовительные годы его жизни и начало дѣятельности.

„Я сынъ причетника села Сурскаго, Пинежскаго уѣзда, Архангельской губерніи. Съ самаго ранняго дѣтства, какъ только я помню себя, лѣтъ четырехъ или пяти, а можетъ быть и менѣе, родители приучили меня къ молитвѣ и своимъ религіознымъ примѣромъ сдѣлали изъ меня религіозно-настроеннаго мальчика. Дома, на шестомъ году, отецъ купилъ для меня букварь, и мать стала преподавать мнѣ азбуку; но грамота давалась мнѣ туго, что было причиною не малой моей скорби. Никакъ мнѣ не удавалось усвоить тождество между нашей рѣчью и письмомъ; въ мое время грамота преподавалась не такъ, какъ теперъ: насъ всѣхъ

учили: „азъ“, „буки“, „вѣди“ и т. д. какъ будто „а“ — само по себѣ, а „азъ“ — само по себѣ. Долго не давалась мнѣ эта мудрость; но будучи приученъ отцомъ и матерью къ молитвѣ, скорбя о неуспѣхахъ своего ученія, я горячо молился Богу, чтобы Онъ далъ мнѣ разумъ, — и я помню, какъ вдругъ спала точно пелена съ моего ума, и я сталъ хорошо понимать ученіе. На десятомъ году меня повезли въ Архангельское приходское училище. Отецъ мой получалъ, конечно, самое маленькое жалованіе, такъ что жить, должно быть, приходилось страшно трудно. Я уже понималъ тягостное положеніе своихъ родителей, и поэтому моя непонятливость къ ученію была дѣйствительно несчастіемъ. О значеніи ученія для моего будущаго я думалъ мало и печаловался особенно о томъ, что отецъ напрасно тратитъ на мое содержаніе свои послѣднія средства.

Оставшись въ Архангельскѣ совершенно одинъ, я лишился своихъ руководителей и долженъ былъ до всего доходить самъ.

*) 20. декабря 1933 года исполнилось 25 лѣтъ со дня кончины Великаго Молитвенника и Добраго Пастыря Русской Земли. Въ дальнѣйшихъ №№ „Вѣстникъ“ освѣтитъ многостороннюю дѣятельность при-снопоминаемаго праведника, жившаго почти въ наши дни.

Среди сверстниковъ по классу я не находилъ, да и не искалъ, себѣ поддержки или помощи; они всѣ были способнѣе меня, и я былъ послѣднимъ ученикомъ. На меня напала тоска. Вотъ тутъ-то и обратилась я за помощью къ Вседержителю, и во мнѣ произошла перемѣна.

Въ краткое время я подвинулся впередъ настолько, что уже пересталъ быть послѣднимъ ученикомъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ лучше и лучше я успѣвалъ въ наукахъ, и къ концу курса однимъ изъ первыхъ былъ переведенъ въ семинарію, въ которой окончилъ курсъ первымъ ученикомъ въ 1851 году и былъ посланъ въ Петербургскую Академію на казенный счетъ. Еще будучи въ семинаріи, я лишился нѣжно любимаго отца, и старушка мать осталась безъ всякихъ средствъ къ существованію. Я хотѣлъ прямо изъ семинаріи занять мѣсто діакона или псаломщика, чтобы имѣть возможность содержать ее, но она горячо воспротивилась этому, и я отправился въ академію.

Въ академическомъ правленіи тогда занимали мѣста письмоводителей студенты за самую ничтожную плату (около 10 рублей въ мѣсяцъ), и я съ радостію согласился на предложеніе секретаря академическаго правленія занять это мѣсто, чтобы отсылать эти средства матери.

Окончивъ курсъ кандидатомъ богословія въ 1855 году я поѣхалъ священникомъ въ Кронштадтъ, женившись на дочери протоіеря К. Н. Несвитскаго, Елизаветѣ, на-

ходящейся въ живыхъ и доселѣ; дѣтей у меня нѣтъ и не было. Съ первыхъ же дней своего высококаго служенія церкви, я поставилъ себѣ за правило: сколько возможно искреннѣе относиться къ своему дѣлу, пастырству и священнослуженію, строго слѣдить за собою и за своею внутреннею жизнію. Съ этой цѣлью прежде всего я принялся за чтеніе священнаго писанія ветхаго и новаго завѣта, извлекая изъ него все назидательное для себя, какъ для человѣка вообще и священника въ особенности. Потомъ я сталъ вести дневникъ, въ которомъ записывалъ свою борьбу съ помыслами и страстями, свои покаянныя чувства, свои тайныя молитвы къ Богу и свои благодарныя чувства за избавленіе отъ искушеній, скорбей и напастей.

Въ каждый воскресный и въ праздничный день я произносилъ въ церкви слова и бесѣды, или собственнаго сочиненія, или проповѣди митрополита Григорія. Нѣкоторыя изъ моихъ бесѣдъ изданы и весьма много осталось въ рукописи. Изданы бесѣды „О Пресвятой Троицѣ“, „О сотвореніи міра“ и „О блаженствахъ Евангельскихъ“. Кромѣ проповѣдничества, я возимѣлъ попеченіе о бѣдныхъ, какъ и я, самъ бывший бѣднякомъ, — и лѣтъ около двадцати назадъ въ 1874 г. провелъ мысль объ устройствѣ въ Кронштадтѣ „Дома трудолюбія для бѣдныхъ“, который и помогъ Господь устроить лѣтъ пятнадцать тому назадъ. — Вотъ и все!“

„Культура сердца“.

(Основы русской культуры)*).

При опредѣленіи, что такое Движеніе, самымъ простымъ и наивнымъ было бы такое — „Движеніе — объединеніе благочестивой молодежи, вѣрующей во Христа и въ Церковь“. Многіе вѣрующіе, исходя изъ такого опредѣленія Движенія, возражаютъ противъ нужности Движенія, понимаемаго такъ. Смыслъ такого Объединенія, какъ Движеніе, можно понять исходя только изъ факта существованія объединенія молодежи, въ настоящій моментъ чрезвычайно сильнаго, построеннаго на противоположныхъ началахъ. Это объединеніе сейчасъ является въ сов. Россіи „ведущимъ“, выступаетъ „строителемъ“ новой, марксистской цивилизации. Молодежь здѣсь объединена на противоположномъ нашему пониманію добра и зла. Сознаніе того, что все, что строитъ коммунизмъ, исходитъ изъ абсолютнаго отрицанія Европейской культуры, поскольку она связана съ религіозными корнями, до сихъ поръ еще не можетъ войти въ сознаніе европейскаго человѣчества. Европейцы — при встрѣчѣ съ коммунизмомъ, все еще исходятъ изъ убѣжденія, что основныя предпосылки коммунистическаго строительства и европейской культуры — однѣ и

тѣ же. Наивная англичанка говорила покойному Луначарскому — по поводу антирелигіозной работы коммунизма — „Вы уничтожаете суевѣрія, идолопоклонство, уничтожаете предметы языческаго культа — иконы, мощи, но Вы же вѣрите въ Бога“. Накомпросъ Луначарскій пояснилъ ей, что большевики и Бога уничтожили, но она не поняла этого — для нея англо-саксонскаго сознанія было не понятно, что можно рѣшиться на уничтоженіе Бога. Не безъизвѣстный Шервудъ Эдди совсѣмъ недавно — такъ опредѣлилъ разницу между коммунизмомъ и фашизмомъ. „Фашизмъ — ложенъ и въ цѣляхъ и въ средствахъ, коммунизмъ — истиненъ въ цѣляхъ, но осуществляетъ эти цѣли жестокими средствами“.

Между тѣмъ именно съ христіанской точки зрѣнія конечная цѣль коммунизма абсолютно ложны. Христіанскій принципъ — „будьте совершенны, какъ Отецъ Вашъ небесный совершенъ“ — отрицаетъ коммунистическій идеалъ и обратно. Для коммунизма нѣтъ небеснаго ОТЦА, нѣтъ небеснаго начала, есть только земное наилучшее устройство. Въ коммунизмѣ отрицается самый принципъ любви. Ленинъ выразительно грубо издѣвался надъ словомъ любовь, и требовалъ, чтобы оно было исключено даже въ такомъ сочетаніи, какъ „любовь къ пролетариату“.

*) Запись по памяти доклада Б. П. Вышеславцевъ на VIII-мъ общемъ Съѣздѣ Р. С. Х. Движенія.

На этих основах, радикально противоположных христианству, воздвигается новая система, осуществляется „строительство нового мира“.

Тут нужно спросить, важно ли и нужно ли объединение людей на христианских началах, утверждающих, что „убивать дурно“, „отнимать дурно“, утверждающих, что все, что вечно, восходит ко Христу.

Такое объединение молодежи немного времени тому назад казалось излишним. Все человечество (лицемерно или искренно — это другой вопрос) признавало принципы христианства, отзвуки их звучат даже в таких, как будто противоположных христианству явлениях, как декларация Французской революции. Смотря на Россию и строительство, происходящее там, с точки зрения нашего понимания, мы видим то, что можно назвать извращением истинного смысла жизни, извращением иерархии ценностей: ценности подчиненные становятся высшими. Это извращение так болезненно, так страшно, что невольно вспоминается трагический вопрос Чаадаева о судьбе России.

Мы говорим о русской культуре, как о одном из великих явлений гения человечества, говорим о красоте русской святости. Чаадаев это знал и понимал, и вместе спрашивал — не является ли единственным назначением России — показать всему миру, как не слѣдует жить, не является ли исторической судьбой России, — послѣ того, как она покажет миру, как не слѣдует жить полная и окон-

чательная гибель? Этот вопрос невольно вспоминается в наши дни, когда Россия гибнет от голода, когда там происходит систематическое уничтожение крестьянства, интеллигенции, спецов, уничтожение явно безцельное, бессмысленное. . . В вопросе Чаадаева слышится грандиозный пессимизм, но вместе в нем дано и грандиозное проявление русской совести. Чаадаев потому и был пессимистом, что он знал как надо жить и считал положение безысходным.

Съ такой мукой в душе существовать нельзя. Трагедия не сетя в себѣ и обѣщание разрешения и можно верить в это разрешение. Но это именно вера — чистая вера. Она может быть выражена в словах молитвы, в словах псалма — „Боже, возстанови насъ, да возсияетъ лице твое, и спасемъ“ (79).

Веруемъ, что русский народъ созданъ не для того, чтобы показать, какъ не слѣдуетъ жить, но для того, чтобы показать, какъ надо жить.

Достоевскій верилъ, что русский народъ именно и долженъ показать какъ надо жить. Достоевскій — болѣе, чѣмъ кто либо другой зналъ, что русский человекъ величайшій мастеръ показывать, какъ не надо жить, но вместе — Достоевскій верилъ, что русский человекъ способенъ показать и то, какъ надо жить. Движение принимаетъ и разделяетъ веру Достоевскаго. Движение — объединение людей, верящихъ в истину пути Христова, верящихъ, что русскому народу дано показать не только то, какъ

не надо жить, но и то, какъ надо жить. В этом утверждении нѣтъ гордости, вернее — эта „гордость“ должна быть свойственна каждому христианину, такъ какъ она покоится на словахъ Спасителя „Я есмь путь, и истина и жизнь“. Горделиво ли сказать „Симъ побѣдиши“, или „Низложи сильныя со престоль и вознесе Смиреныя“. На этомъ покоится пафосъ пророческій, на этомъ покоится вся пророческая устремленность христианства. Христианство не можетъ преклониться предъ мощью тракторовъ, индустриализации, предъ устройствомъ жизни. если бы даже оно и удалось. Вавилонская культура в своихъ достиженияхъ была гораздо удачнѣе современной советской но плѣнные, нищие евреи не преклонились передъ ней. Они ощутили ничтожество материальнаго блеска, если нѣтъ Царства небеснаго, жили этимъ пафосомъ. Увы, у насъ слишкомъ мало этого пророческаго пафоса противъ тѣхъ, кто торжествуетъ в России!

Но вернемся къ Достоевскому. Достоевскій былъ провидецъ. Уничтожение интеллигенции удалось сов. власти. М. б. — это одно изъ дѣяній, вполне удавшихся сов. власти. Уничтожили не только интеллигенцию верующую или гуманистическую, но и интеллигенцию техническую, работающую на заводахъ, промыслахъ, интеллигенцию, обладавшую техническими знаниями. Но нужно сказать, что русская интеллигенция жила именно такъ, какъ не надо жить. Возьмемъ гениальнаго представителя русской интеллигенции — Пушкина. Не такъ давно появилась книга Вересаева

о Пушкинѣ. Читая эту книгу, испытываешь невольный трепетъ — читаешь жизнь своего отца, жизнь своего близкаго, кровнаго предка.

Читая о блудникахъ Пушкина, видишь, что это — действительно блудный сынъ, но и вместе, что это — подлинно возлюбленный сынъ Отца, отъ рождения одаренный такъ, какъ никто. И читая жизнь Пушкина, видишь в ней прообразъ жизни русской интеллигенции, видишь, что именно в ней осуществленъ принципъ „все позволено“. Отецъ отпускаетъ сына „на страну далечу“, и послѣдній в дикомъ произволѣ все позволяетъ себѣ — и „Пиръ во время чумы“ и „Египетскія ночи“.

Пушкинъ хорошо зналъ какъ не надо жить и зналъ, что такъ не надо жить.

„Въ бездѣйствіи ночномъ живѣи горятъ во мнѣ Змѣи сердечной угрызения. Мечты кипятъ. Въ умѣ, подавленномъ тоской, Тѣснитъ тяжкихъ думъ избытокъ. Воспоминаніе безмолвно предомной Свой длинный развиваетъ свитокъ. И съ отвращеніемъ читая жизнь мою, Я трепещу и проклинаю И горько жалуясь, и горько слезы лью, Но строкъ печальныхъ не смываю . . . Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ Въ безумствѣ гибельной судьбы Въ неволѣ въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ

Мои утраченные годы“.

Такъ можетъ писать только чело-
вѣкъ, хорошо знающій, что такъ
не надо жить. Пушкинъ зналъ
и Правду и Красоту. Пушкинъ
зналъ это, какъ зналъ это и До-
стоевскій, и могъ вмѣстѣ съ св.
апостоломъ Павломъ сказать —
„все мнѣ позволено, но не все на
пользу, все мнѣ позволено, но ни-
что не должно обладать мною“
(1 кор. 6.12). Пушкинъ увидаль,
что это не на пользу, вредно, раз-
рушительно. Онъ знаетъ правду
и хочетъ служить ей. О себѣ онъ
говоритъ:

„И долго буду тѣмъ любезенъ
я народу,
Что чувства добрыя я лирой
пробуждалъ,
Что въ мой жестокой вѣкъ воз-
славилъ я свободу
И милость къ падшимъ призы-
валъ.“

Эти слова красуются на памят-
никѣ Пушкину на Страстномъ
бульварѣ. Пушкинъ, называя свой
вѣкъ жестокимъ, не подозрѣвалъ,
въ какой жестокой вѣкъ придется
жить намъ, въ вѣкъ, когда чело-
вѣкъ забылъ что вообще есть
свобода.

Пушкинъ „не только чувства
добрыя пробуждалъ“, „возславилъ
свободу“, онъ зналъ нѣчто боль-
шее, существенное, интимное. Въ
Пушкинѣ можно видѣть душу
русской культуры, ея основные
мотивы и прозрѣнія. Въ глубинѣ
его сердца — мятежнаго и измѣн-
чиваго, подъ покровомъ его стра-
стей жилъ сокровенный сердца
человѣкъ „рыцарь бѣдный“.

„Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣд-
ный

Молчаливый и простой.

Съ виду сумрачный и блѣдный,

Духомъ смѣлый и прямой.

Онъ имѣлъ одно видѣніе
Непостижное уму“ . . .

Какъ странно, что въ сердцѣ
именно Пушкина родилось это
видѣніе рыцаря бѣднаго. Пови-
димому, онъ самъ имѣлъ „одно
видѣніе, непостижное уму“ — ви-
дѣніе райской красоты бытія.

Воистину, Пушкинъ,

„Какъ нѣкій херувимъ,
нѣсколько занесъ намъ пѣсенъ
райскихъ“.

Тайна Пушкина въ томъ, что
онъ въ „солнцеподобныхъ гла-
захъ смертнаго“ увидаль и пока-
залъ отблески первоизданной кра-
сoty, воспоминанія о потерянномъ
раѣ, и въ русской природѣ онъ
сумѣлъ показать отблески Эдема.

Станный челоуѣкъ, увидѣвшій
то, что дано было видѣть проро-
камъ, то, что большинству кажется
угасшимъ.

Достоевскому тоже дано было
это чувство райской гармоніи.

Это чувство потусторонней гар-
моніи бытія, чувство ради кото-
раго стоитъ цѣловать изступленно
землю, — основное совпаденіе
прозрѣній Достоевскаго и Пуш-
кина. Оно совершенно въ дру-
гомъ, чѣмъ думалъ и указывалъ
Достоевскій въ своей прославлен-
ной рѣчи о Пушкинѣ. Что же
открылось и Пушкину и Досто-
евскому, какъ основное прозрѣ-
ніе, роднящее ихъ? Русскіе фи-
лософы и русскіе богословы от-
вѣтили на этотъ вопросъ.

Это — видѣніе „умной красоты“.
Оно дано русскимъ гениямъ; оно
же дано и русскимъ святымъ, и
последнимъ — въ большей сте-
пени.

Въ бесѣдѣ съ Мотовиловымъ
Св. Серафимъ Саровскій назоветъ

это видѣніе — „видѣніемъ не-
созданной доброты“, т. е. несоз-
данной красоты. То, что увидѣлъ
и рассказалъ Св. Серафимъ, чув-
ствовалъ и Пушкинъ. Это не
просто красота, обвораживаю-
щая, чарующая, а красота мисти-
ческая, красота „восхищающая“,
похищающая, уводящая въ другой
міръ. Пушкинъ зналъ что суще-
ствуетъ высшій „фаворскій“ свѣтъ
и чувствовалъ предъ нимъ свя-
щенный трепетъ и ужасъ. Объ
этихъ узрѣніяхъ писалъ онъ въ
стансахъ, посвященныхъ митро-
политу Московскому Филарету:

„Твоимъ огнемъ душа палима
Отвергла мракъ земныхъ
суеть

И внемлетъ арфѣ Серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.“

Имя „Серафимъ“ — какъ можно
судить по ряду данныхъ, упо-
треблено здѣсь поэтомъ не слу-
чайно — Пушкинъ и св. Серафимъ
жили одновременно, и на верши-
нахъ мистическихъ прозрѣній
Пушкинъ видѣлъ то же, что зналъ
и его святой современникъ.

Когда русскій народъ видѣлъ
свою идею, онъ видѣлъ ее, какъ
воплощенную красоту, какъ со-
кровенный градъ Китежъ, и это
видѣніе „умной несозданной до-
броты“ разлито во всемъ — и въ
русской иконописи, и въ русскомъ
зодчествѣ, и въ русской поэзи,
онъ разлито въ русскомъ сердцѣ.
Мы — люди чувства, не въ смыслѣ
сантиментальности, не въ смыслѣ
психологизма, а въ смыслѣ послѣд-
ней первоизданной природы на-
шего духа — только въ глубинѣ
эмоціональности, въ глубинѣ на-
шего сердца лежитъ наша гени-
альность.

„Неизслѣдимо сердце у всѣхъ
и притомъ развращено: кто это
узнаеть?

Но Я, Господь, проникаю серд-
це, испытую внутренности, что-
бы воздать каждому по его по-
ступкамъ и по плодамъ его
дѣйствій“ . (Иереміи 17, 9—10.

Глубоко сердце русскаго на-
рода, и кто познаеть глубину его?
Только Одинъ Богъ знаетъ раз-
мѣры и загадку этой тайны. По-
разительно, что именно въ этомъ
и черезъ это насъ воспринимаютъ
другіе народы. Насъ узнають че-
резъ искусство, черезъ поэзію на-
шихъ богослуженій, и узнають не
только люди свѣтскихъ оцѣнокъ,
но и люди религіозныхъ оцѣнокъ.
Они слышатъ звучаніе этой стихіи
русскаго гения въ церкви, въ цер-
ковныхъ пѣснопѣніяхъ, въ кра-
сотѣ обряда. . . Они слышатъ то,
что является самымъ завѣтнымъ
для нашей души — звучаніе ум-
ной красоты, ощущаютъ ея при-
сутствіе въ русской церковной
мистикѣ. Тутъ — нѣчто порази-
тельно характерное для насъ. Со-
вершенно также и по такому же
принципу наши предки приняли
вѣру отъ Византіи. Варвары,
встрѣтившись съ эллинской, пре-
ображенной Христіанствомъ кра-
сotой, почувствовали и увидѣли
умную, несотворенную доброту,
были восхищены ею, а потому —
и приняли Православіе. Тутъ есть
нѣчто вѣчно существующее. „Хра-
мовое благочестіе“ — самое силь-
ное и вѣрное орудіе для того,
чтобы открыть, какимъ образомъ
и въ какомъ аспектѣ русскій ге-
ній воспринялъ Свѣтъ Христовъ,
тотъ лучъ Премірнаго Свѣта из-
лучаемаго въ бездну, который
просвѣтилъ русскій гений. Храмъ

св. Софіи въ Константинополѣ пріоткрываетъ тайны этой „умной красоты“.

Св. Софія Константинопольская — прямая противоположность готикѣ. Готика стремится увести отъ земли, даже насильственно вырвать изъ міра. Храмъ Св. Софіи — храмъ, гдѣ все полно переживаніемъ и утвержденіемъ воплощенія Бога Слова, явленія Его на землѣ. Свѣтъ солнечный здѣсь пронизываетъ и просвѣтляетъ все, и самый куполь храма св. Софіи есть небесная сфера, „небо на землѣ“.

Возвращаясь къ темѣ Русской культуры, можно утверждать, что наша культура — есть культура сердца.

Но можно ли ставить такъ вопросъ? Можно. Всякая культура по своему существу религіозна, ибо всякая культура воздѣлываетъ, культивируетъ высшія цѣнности и святости. Но чѣмъ воспринимается послѣдняя, высшая святость? Умомъ? Отчасти и имъ, но не только имъ. Волею? Воля участвуетъ въ воспріятіи послѣдней святости, но не воля ее зреть. Послѣдняя святость воспринимается и усваивается сердцемъ. Высшее сокровище воспринимается и хранится народомъ въ сердцѣ, и, поэтому, есть и можетъ быть культура сердца.

И культура сердца христіански мыслима, ибо существуетъ „сокровенный сердца человѣкъ“.

Русскій человѣкъ — не государственный, не моралист, не законникъ и даже гордится этимъ.

Русскій человѣкъ, въ какомъ то смыслѣ, выше добра и зла, какъ моральныхъ категорій, но

вмѣстѣ съ тѣмъ, у него есть чувство мистическаго запрета. И именно это чувство мистическаго запрета отличаетъ вѣрующаго русскаго человѣка отъ марксиста. У послѣдняго — нѣтъ этого чувства мистическаго запрета — есть демоническое тайное любопытство, влеченіе осквернить высшую святость, обнажить сокровенное, сокрытое. Это демоническое любопытство толкаетъ на оскверненіе мощей, на вскрытіе гробницъ царей — человѣкъ, одержимый демоническимъ любопытствомъ мучительно хочетъ показать, показать во что бы то ни стало, что нигдѣ ничего нѣтъ.

Достоевскій почувствовалъ и показалъ силу этого мистическаго запрета особенно по отношенію къ пролитію крови. И если человѣкъ не испытываетъ мистическаго содроганія предъ пролитіемъ крови — онъ другого антихристовъ духа. Человѣкъ Христова духа страшится пролить кровь не по тому, что это запрещено закономъ, можетъ навлечь кары, но потому, что онъ знаетъ священность жизни, страшится отнятія ея, не можетъ принять его.

„Не нужно крови намъ и стонь“

Но жить съ убійцей не хотимъ“.

Не знающіе мистическаго запрета никогда не скажутъ этого. „Цивилизація Карла Маркса“ не была и не будетъ „русской культурой“ и никакая „цивилизация Карла Маркса“ не можетъ уничтожить ростковъ русской культуры — она продолжаетъ прорастать, какъ солодая трава, сквозь камни марксизма, вбитые въ русскую землю. Не нужно быть особенно чуткимъ человѣкомъ,

чтобы почувствовать, что геній русской культуры и духъ марксизма не совпадаютъ. Постановка въ Московскомъ совѣтскомъ Большомъ театрѣ „Пиковой дамы“, „Бориса Годунова“, музыка Чайковскаго, Мусоргскаго и др. — все становится бессмысленнымъ при признаніи, что русская культура должна быть построена на базѣ марксизма. Бессмысленно сохранять памятникъ Пушкину при уничтоженіи Страстного монастыря. Неудивительно, что русское сердце тоскуетъ въ Сов. Россіи. М. б. скажутъ, что это только намъ кажется. Но какъ разъ, поэзія совѣтская, литература показываютъ, какъ тошно русскому сердцу тамъ.

Основные мотивы сов. литературы, если не считать произведеній написанныхъ по „соціальному заказу“, говорятъ о силѣ этой тоски; „нечѣмъ жить“, „не стоитъ жить“ — таковъ преобладающій лейтъ-мотивъ многихъ произведеній современной сов. литературы. Въ безумномъ напряженіи растрчивали силы, боролись, шли на смерть, и ничего не получилось, ничего не осталось, кромѣ безысходной тоски. Все настойчивѣе встаютъ проблемы любви, смерти, смысла жизни — всѣ проблемы глубокаго сердца, и не находятъ разрѣшенія. И поэты большого дарованія, подлинной глубины, начиная съ Есенина и кончая Маяковскимъ — ищутъ исхода въ самоубійствѣ.

„Вотъ такъ народъ. Вотъ такъ
Какого же я рожна [страна!
Оралъ въ стихахъ, что я съ народомъ
дружень?
Моя поэзія здѣсь больше не
нужна

Да и пожалуй, самъ я тоже здѣсь
не нуженъ“ (Есенинъ).

Даже Маяковскій, оравшій громче всѣхъ, оказался ненужнымъ. И его сердце не выдержало и умолкло. Не выдерживаютъ сердца и многихъ другихъ даже патентованныхъ коммунистовъ — одно время проблема самоубійствъ именно среди „патентованныхъ коммунистовъ“ особенно беспокоила совѣтскую власть. Русскому сердцу не уютно въ Сов. Россіи, и не такъ то легко выносить оно царящее тамъ „окаменение сердца“.

Но если даръ русскаго генія — сердце, то теряя его, русскій человѣкъ становится отталкивающимъ, до конца безсердечнымъ, поэтому такъ жестока жизнь въ Россіи. Русскій человѣкъ или сердеченъ или безсердеченъ — Здѣсь — основная связь задачи Движенія съ основнымъ даромъ русскаго генія.

Путь Движенія — въ развитіи русской культуры, и Движеніе не можетъ быть не чѣмъ инымъ, какъ хранителемъ и осуществителемъ культуры Православной. Но если такъ, то Движеніе есть путь культуры сердца. Русская культура была и есть культура по преимуществу символическая, обращенная къ будущему. Она не создала и не могла создать прочныхъ земныхъ основаній — поэтому легко было сметено русское государство, разрушены экономическія отношенія, уничтожены цѣлые классы. Русскій человѣкъ не прочно устраивался на землѣ, мечталъ о грядущемъ раѣ. О немъ мечтаетъ даже русскій коммунизмъ. Русская культура — вся призывъ къ будущему.

И Движеніе должно усышать и передать этотъ призывъ: оно должно крикнуть грядущимъ „слушай“, какъ кричитъ часовой ночью. М. б. ближайшій часовой, крикнувшій свое „слушай“ замрзнетъ, но его крикъ усышатъ слѣдующіе и передадутъ его крикъ дальнѣйшимъ. Русская культура символична. Символично и храмовое благочестіе: оно обращено къ грядущему. Но символичность русской культуры, символичность храмоваго благочестія не есть созерцательность, бездѣйствіе. Они требуютъ дѣйствія, символы требуютъ воплощенія. И нигдѣ дѣйствіе, воплощеніе не получаетъ такого глубокаго смысла, какъ именно здѣсь. Идея не воплощенная не есть идея завершенная. Идея сердца требуетъ его въ большей степени, чѣмъ идеи ума. Сердце человѣка не можетъ жить безъ воплощенія движенія сердца въ дѣйствіи. Не нужно даже особенно призывать къ этому — это само собой должно быть, вытекаетъ изъ сути жизни сердца. Бездѣйствіе — есть безсердечіе.

Единственная возможность пробудить сердце въ человѣкѣ — это отнести къ нему сердечно. И только въ этой взаимной сердечности рождается ощущение гармоніи жизни, ради котораго можно и стоитъ жить. И нѣтъ христіанскаго человѣка, который не пережилъ бы этого.

Что такое культура сердца? Можетъ показаться, что эта сантиментализмъ, неопредѣленная эмоціональная взволнованность. Для религіознаго человѣка такой постановки вопроса о культурѣ сердца не существуетъ. Для ре-

лигіознаго сознанія идея сердца — идея глубиннаго, сокровеннаго существа человѣка, идея того, что именуется „образомъ Божиимъ въ человѣкѣ“, — глубинный центръ всѣхъ излученій человѣческой личности не въ умѣ. Въ псалмѣ глубоко вѣрно сказано: „Рече безуменъ въ сердце своемъ нѣтъ Бога“.

Если человѣкъ говоритъ только въ умѣ — это еще не такъ страшно и разрушительно для него — многіе философы — въ порядкѣ добросовѣстнаго сомнѣнія — говорили въ умѣ это, и еще не были „безумными“. Но когда человѣкъ въ послѣдней сущности, въ центрѣ сокровенномъ и глубококомъ говоритъ „нѣтъ Бога“ онъ подлинно и страшно безуменъ. Сердце — „сокровенный сердца человѣкъ“ — сущность человѣка. Называя Русскую культуру — культурой сердца, мы утверждаемъ, что русская культура — есть культура „сокровеннаго сердца человѣка“, раскрывающая эту глубину человѣка, вѣрующая въ эту глубину въ человѣкѣ. Русская культура всегда обращена къ личности, персоналистична, и если что совершенно не совмѣстимо съ ней, то это именно — отрицаніе личности. Если мы говоримъ о томъ, что смыслъ оцерковленія жизни состоитъ въ уничтоженіи двойственности, раздробленности жизни, въ уничтоженіи „двойной бухгалтеріи“, въ продолженіи раздѣленности между существомъ мистической жизни во Христѣ и нашей лаической, свѣтской жизнью, то вѣдь это и есть проблема послѣдняго сердечнаго единства

человѣка. Наличіе „двойной бухгалтеріи“ говоритъ о больномъ человѣкѣ, человѣкѣ съ сердцемъ разорваннымъ между двумя планами и способами жизни — мистическимъ, подлиннымъ — и свѣтскимъ, мишурнымъ, искусственнымъ. Смыслъ Движенія —

создать людей со нераздробленнымъ сердцемъ, показать, что это возможно.

Послѣднее единство сердца, единство созерцанія и воплощенія — основной идеаль Русской культуры, и нашего Движенія.

Къ особенностямъ творчества И. А. Бунина.

„Всѣ говорятъ нѣтъ правды на землѣ“ . . .

Увы! — это такъ. И очень рѣдко по заслугамъ вознаграждается при жизни крупное дарованіе. Зато когда это случается, испытываешь чувство глубокаго удовлетворенія, связаннаго съ исполненіемъ правды. Авторъ этихъ строкъ полагаетъ, что нынѣ выпавшія на долю И. А. Бунина внѣшнія почести — одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда торжествуетъ справедливость.

Оцѣнка литературныхъ явленій — болѣе или менѣе значительныхъ — всегда очень трудна. И въ русской средѣ эти трудности вырастаютъ до безконечности. Быть русскимъ вообще дѣло тяжелое, но быть русскимъ талантомъ — это ужъ изъ рукъ вонъ, ибо не было народа болѣе нечуткаго къ своимъ геніямъ и болѣе наклоннаго къ возвеличенію ничтожествъ, чѣмъ народъ русской. Это отвратительное свойство русской массы исторгнуло изъ груди Пушкина вопль, полный гнѣва и отчаянія: „Чортъ меня дернулъ родиться въ Россіи съ умомъ и талантомъ“. Какъ ни

трудно оцѣнить западно-европейцу русской талантъ, но русскому это гораздо труднѣе. У Чехова есть потѣшный и горькій рассказъ „Пассажиръ перваго класса“, гдѣ въ уста одного изъ дѣйствующихъ лицъ вложена такая тирада:

„Тульского шулера знаетъ, а спросите его про Чайковскаго, Семирадскаго или философа Соловьева, такъ онъ Вамъ башкой замотаетъ . . . свинство-съ!“

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ русскія литературныя явленія оцѣниваются въ косвенномъ порядкѣ, а не въ непосредственномъ, при которомъ исходятъ изъ самаго литературно-художественнаго факта. Это какъ правило находится внѣ поля зрѣнія не только читающей массы, но и большинства критиковъ. Примѣровъ такъ много, что для иллюстраціи сказаннаго пришлось бы пересмотрѣть всю исторію русской литературы. Намъ здѣсь достаточно указать на творчество Л. Толстого, который проникъ въ сознаніе русской массы, по настоящему сталъ „популярнымъ“ лишь послѣ того, какъ стали извѣстны

его т. наз. „философскія произведенія“ и произошло памятное столкновение со святѣйшемъ Синодомъ. Этой массѣ въ голову не приходило, что небольшой рассказецъ Л. Толстого „Ягоды“, сюжетомъ котораго является разстройство желудка у ребенка, въ литературномъ отношеніи безконечно интереснѣе всего базарнаго шума и интеллигентскаго вздора, поднявшагося вокругъ „идеологій“ Л. Толстого.

Конечно, врядъ-ли кто подумалъ на протяженіи всѣхъ бунинскихъ дней, — какъ изъ друзей, такъ изъ враговъ знаменитаго художника, — что небольшой рассказъ „Въ нѣкоторомъ царствѣ“, занимающій двѣ страницы, можетъ послужить объектомъ многотомной философіи искусства. Конечно, любители „кукольных трагедій съ букетомъ гражданской скорби“ придутъ въ благородное этическое негодованіе, узнавъ, что сюжетомъ этого страннаго рассказа является нескромный сонъ. Но вѣдь все дѣло въ томъ, что въ искусствѣ важно не „das was“, а „das wie“ или — еще лучше — подлинной темой философіи искусства и высшей критики является раскрытіе того, какъ „das was“ стало „das wie“ — выражаясь философски — раскрытіе діалектики формы и содержанія. Эта діалектика и составляетъ собственно подлинную и вѣчную трагедію искусства. Трагично уже то, что приходится анализировать порознь двойцу формы и содержанія, двойцу принципиально неразсторжимую.

Какое же „was“ стало у Бунина его замѣчательнымъ „wie“, за которое онъ нынѣ увѣнчанъ?

У Тютчева есть великолѣпное выраженіе „злая жизнь“. Это выраженіе горитъ и свѣтитъ, какъ раскаленный болидъ, готовый изъ небесныхъ пространствъ врѣзаться въ холодную землю. Жизнь „земного поселенца“, котораго такъ жалѣетъ Е. Баратынский, дѣйствительно „злая жизнь“. Она „злая“ не только тогда, когда терзаетъ его своими ужасающими конфликтами, но и тогда, когда предстаетъ передъ нимъ въ обольстительномъ-прекрасномъ видѣ. Съ несравненнымъ мастерствомъ И. А. Бунинъ „возводитъ въ перль созданія“ все жесткое, терпкое, ранящее, чарующее, чѣмъ полна человѣческая жизнь. Онъ всматривается пристально въ „жизтейское море, воздвигаемое напастей бурей“, онъ поднимаетъ глаза и видитъ сквозь прорывы грозовыхъ тучъ вѣчную красоту неба, онъ прислушивается — и уловляетъ голосъ „всмірнаго молчанія“, но всегда дѣлаетъ это такъ, что даетъ намъ понять нешуточность, безулыбчивость бытія. Если кому-нибудь изъ русскихъ писателей и пристальнѣе титуль реалиста, такъ это именно ему. По Бунину можно положительно писать Философію конкретнаго бытія. Какъ бы ни были фантастичны его сюжеты, даже тогда, когда онъ пишетъ геніальную сказку „О дуракѣ Емельѣ, какъ онъ вышелъ всѣхъ умнѣе“, онъ никогда не фантастиченъ, никогда не выдумщикъ. Сквозь его образы, какими бы они ирреальными не казались, никогда не пройдетъ рука, но всегда наткнется на что-то живое, горячее и большей частью нево-

образимо жуткое. Въ этомъ отношеніи онъ находится въ одной категоріи съ Л. Толстымъ, отъ котораго онъ впрочемъ отличается своей „злостью“.

Врядъ-ли кто-нибудь съ такой силой передавалъ безвыходность жизни, какъ въ ея конфликтахъ, такъ и въ ея непобѣдимыхъ чарахъ. Сама смерть стала у него злѣйшимъ закоулкомъ жизни, ея воющимъ затыгивающимъ водоворотомъ „Мальстремомъ“. Въ этомъ смыслѣ небольшой рассказъ „Огнь пожирающій“ положительно можетъ быть названъ „нисхожденіемъ въ Мальстремъ“, гдѣ, вмѣсто воды, бушуетъ пламя. Но и ужасъ и красоту „Воды Многихъ“ раскрываетъ онъ съ неменьшей силой въ своихъ путевыхъ поэмахъ, которыя представляютъ, повидимому, единственный въ литературѣ случай удавшихся „стихотвореній въ прозѣ“. (У Тургенева они почти всѣ неудачны.) То, что Бунинъ является безусловно самымъ большимъ маринистомъ не только въ русской, но и быть можетъ въ мировой литературѣ (удивительнымъ образомъ этого до сихъ поръ не замѣтили) представляется намъ обстоятельствомъ въ высокой степени знаменательнымъ. Море вѣдь есть перво-стихія перво-жизни. Человѣческой духъ, выдѣлившийся изъ этой стихіи, противопоставившій себя ей, приобрѣлъ въ ея лицѣ страшнаго врага и такую же непобѣдимую и неотразимую чару. Стихія какъ будто хочетъ возвратитъ себя принадлежащее ей по праву. Когда у Бунина въ „Господинѣ изъ Санъ-Франциско“ за стѣнами парохода „ходитъ страшный океанъ“

то здѣсь самъ собой и въ жуткой естественности встаетъ символъ человѣческаго духа столь страшно одинокаго среди враждующаго согласія стихій

„Пѣвучестъ есть въ морскихъ волнахъ
Гармонія въ стихійныхъ спорахъ
И стройный мусикійскій шорохъ
струится въ зыбкихъ камышахъ
Невозмутимый строй во всемъ
Согласье полное въ природѣ
Лишь въ нашей призрачной свободѣ
Разладъ мы съ нею сознаемъ.
Откуда-жъ, какъ разладъ возникъ
И отчего въ стихійномъ спорѣ
Душа не то поетъ, что море,
И ропщеть мыслящій тростникъ?“

(Θ. Тютчевъ)

Все творчество Бунина есть повѣствованіе о злой чарѣ этого разлада и всѣ его произведенія, даже по формѣ — это *regum concordia discors*. Вполнѣ умѣстно тутъ упомянуть, что „ужасъ уязвленія любовная напасть“*) захлестываетъ у него, такъ же какъ океаническая волна. И женская сила, женская стихія принципиально не отличается у него ни отъ воды ни отъ огня. Закружила, завертѣла, какъ утлую лодченку и разбила въ щепы о черную скалу или же сожгла, испепелила какъ солону — такова неизбѣжная судьба человѣческой личности при встрѣчѣ съ женской стихіей, эта стихія у него до ужаса безлика даже тогда, когда принималась твердо очерченныя человѣкоподобныя формы. Это не мѣ-

*) Выраженіе взято изъ стихотворенія Г. А. Мейера.

шаетъ быть всѣмъ бунинскимъ женщинамъ до осязательности реальными. Разрабатывающій эту тему рассказъ „Солнечный Ударъ“ необычайно оригиналенъ тѣмъ, между прочимъ, что въ немъ начало начинается съ конца: „сдавшись“ женщина не только побѣдила, но и убила. Этотъ совершенно новый и въ то же время вѣчный подходъ къ проблемѣ женской любви является лейтмотивомъ „Сновъ Чанга“, и другихъ вещей.

Быть можетъ, это постоянная обращенность къ стихійности бытія и является у Бунина источникомъ его необычайного, яраго насилующаго темперамента. Онъ беретъ читателя буквально за шиворотъ, треплетъ его, какъ океанъ и сжигаетъ его, какъ солнце. Этой стихійностью Бунина, быть можетъ объясняется и то, что несмотря на свое необычайное искусство слова, — обиліе метафоръ, сравненій, яркую гамму красокъ — авторъ „Жизни Арсеньева“ никогда не литературенъ, никогда не прилизанъ. Скорѣе грубъ и невѣжливъ. Никто не умѣетъ такъ крѣпко браниться, какъ Бунинъ, и это одно изъ положительныхъ достоинствъ его литературнаго таланта.

— „Да, да, я уже былъ здѣсь . . . И вообще, я человекъ обреченный . . . Если бы вы знали, какъ страшно запутаны мои дѣла! Еще больше, кажется, чѣмъ душа и мысли! Ну, да изъ всего есть выходъ. Дернулъ собачку револьвера, поглубже всунувъ его въ ротъ, — всѣ эти дѣла, мысли и чувства разлетятся къ чертовой матери!“ („Соотечественникъ“)

Стихійность Бунина можетъ быть объяснена тѣмъ, что онъ сынъ самой загадочной и самой стихійной страны въ мірѣ. Бунинъ одинъ изъ самыхъ русскихъ писателей и эта его стихійная русскость, оформляемая особенностями его дара, совершенно освобождаетъ его отъ опасности того ужасающаго „высочайше утвержденного дю руссь съ пѣтушками“, отъ всѣхъ этихъ бездарныхъ руссизмовъ, вышедшихъ изъ русскихъ, — константинопольскихъ или парижскихъ — кабаковъ, всякихъ прославленныхъ хоровъ, которыми Россія и русское имя опозорены не меньше чѣмъ великой катастрофой.

Замѣчательная поэма въ прозѣ „Косцы“ въ отношеніи выдержаннаго русскаго стиля представляетъ шедевръ, которому нѣтъ равнаго.

Стихійный реализмъ Бунина удивительнымъ образомъ сближаетъ и соединяетъ дѣйствующую въ немъ русскую стихію съ Библейскимъ ветхозавѣтнымъ востокомъ. Ему замѣчательно удаются цитаціи ветхозавѣтныхъ книгъ, которыя онъ такъ умѣло вставляетъ въ оправу своихъ произведеній.

Здѣсь мы подходимъ къ особенности Бунина, дѣлающей его во всѣхъ смыслахъ антитезой Достоевскаго. Онъ гораздо болѣе противоположенъ Достоевскому, чѣмъ Л. Толстой.

Однако, эта антитетичность Бунина и Достоевскаго не должна быть понимаема элементарно, какъ вообще элементарно понимаютъ антитетику плоти и духа. Антитетичныя понятія, т. е. понятія, находящіеся въ состояніи

діалектической противопоставленности, вовсе не исключаютъ другъ друга — наоборотъ они означаютъ нѣкоторую взаимосопреженность. Такова взаимосопреженность плоти и духа. Это обстоятельство приводитъ къ тому, что плоть можетъ выражаться черезъ духъ и духъ — черезъ плоть. Они какъ-то странно переходятъ другъ въ друга. Большинство образовъ Достоевскаго несомнѣнно воплощенные духи-идеи. Раскаленная духоносность Достоевскаго приводитъ съ необходимостью къ воплощенію его идей-силъ. Додуманный до конца духъ есть духъ воплощенный.

Аналогичное придется сказать и о плоти, только въ противоположномъ направленіи. Если матерія есть явленный духъ, то додуманная и „додѣланная“ до конца матерія приводитъ къ выявленію глубинныхъ духовныхъ феноменовъ и даже къ тому удивительному, что можно было бы назвать рожденіемъ духа. Мать — матерія можетъ быть лономъ рождающимъ духъ. Но это потому, что матерія въ свою очередь есть явленіе духа.

Плоть въ творчествѣ Бунина раскалена до такой стѣпени, что ея духоносность становится очевидной. И быть можетъ все творчество Бунина является не въ меньшей стѣпени противоматериалистичнымъ, чѣмъ творчество Достоевскаго. Однако, все же они стоятъ на противоположныхъ полюсахъ и пока имъ мудрено встрѣтиться другъ съ другомъ.

Еще въ другомъ смыслѣ Бунинъ и Достоевскій противоположны другъ другу. Достоевскій

насквозь діалектиченъ. Онъ — какъ бы синтезъ Платона и Гегеля въ категоріяхъ христіанской трагедіи (его романы несомнѣнно трагедіи). Творчество Бунина, хотя и напоминаетъ рѣку, текущую нѣсколькими руслами, но все же это теченіе въ одномъ направленіи. Трудно себѣ представить писателя менѣе діалектичнаго, чѣмъ Бунинъ. Его конфликты — это взрывы „динамита жизни“, но отнюдь не діалектика и не трагическіе конфликты. Въ этомъ отношеніи онъ очень родствененъ безтрагическому Л. Толстому.

Тутъ мы подходимъ къ заключительному моменту нашей антитезы. Идея народа-богоснца, выношенная и выстрадавшая Достоевскимъ есть несомнѣнно идея трагическая и діалектическая, ибо вѣра трагична и восходитъ къ небу путемъ діалектическихъ конфликтовъ — большей частью невообразимо, смертельно мучительныхъ. Бунину, какъ художнику не діалектическому и не трагическому идея народа-богоснца глубоко чужда. Ему она должна представляться выдуманной, искусственной и вызывать естественную реакцію желчи и саркастическаго раздраженія. Очень многіе моменты въ творчествѣ Бунина могутъ быть объяснены этой отрицательной реакціей на идею народа-богоснца. И ужасы творящагося въ Россіи, какъ будто (но только, — какъ будто) полностью оправдываютъ установку Бунина. Не гнѣвается-ли въ его лицѣ русскій народъ самъ на себя?

В. Н. Ильинъ.

Декабрь 1933 г.

„Итоги безбожной пятилѣтки“.

Въ книгѣ Олешука *) приведенъ цѣлый рядъ фактовъ иллюстрирующихъ, такъ сказать, „итоги пятилѣтки у церковниковъ“.

Возросла сила безбожного натиска, но еще въ большей мѣрѣ возросла сила религии. Характерно и отраднo, что это не только ростъ силы **сопротивленія**, но и ростъ религиознаго творчества, усиленіе положительныхъ вліяній церквей и религиозныхъ объединеній.

Въ итогѣ первой пятилѣтки безбожники, несмотря на всѣ „достиженія“, вмѣсто торжества, испытываютъ возростающую тревогу. Хвастливыхъ завѣреній, что къ концу первой пятилѣтки СССР будетъ цѣликомъ безбожнымъ больше и въ поминѣ нѣтъ. Наоборотъ, раздаются уже рѣчи о томъ, что **послѣ** осуществленія даже **второй** пятилѣтки, послѣ даже „построенія безклассоваго общества“ религія все же несомнѣнно будетъ еще существовать, съ ней попрежнему еще придется вести „ожесточенную борьбу“.

* * *

„Реакціонная дѣятельность религиозныхъ организацій, говоритъ Олешукъ въ своей книгѣ, не ослабляется, а растетъ, попытки сорвать успѣхи социалистическаго строительства со стороны церковниковъ и сектантовъ усиливаются а не уменьшаются. Такова ос-

*) Ф. Олешукъ „Борьба противъ религии на новомъ этапѣ“ Огиз-Агиз 1933.

новная черта, которую ни на одну минуту нельзя упускать характеризую дѣятельность религиозныхъ организацій на сегодняшній день“. Олешукъ, отмѣчая фактъ явнаго увеличенія религиозности среди населенія СССР, пытается ослабить убѣдительность этого факта. соображеніями о томъ, что „переполненіе“ церквей вызвано „виѣшними причинами“.

„Что церкви сейчасъ иной разъ переполняются молящимися, это фактъ“ — говоритъ онъ: „Но развѣ не объясняется это въ значительной степени тѣмъ, что количество дѣйствующихъ церквей за послѣдніе годы очень сильно сократилось, а населеніе ряда городовъ и новостроекъ сильно выросло? Не надо забывать о томъ, что это переполненіе церквей идетъ въ значительной степени за счетъ скапливающихся въ крупныхъ пролетарскихъ центрахъ раскулаченныхъ и иныхъ „бывшихъ“.

„Что кое-гдѣ религиозныя организаціи выросли продолжаетъ онъ — это тоже фактъ, но развѣ не ясно, что они выросли за счетъ кулацкихъ, а не трудящихся элементовъ. Почему напримѣръ въ Донбассѣ или Сталино вдругъ выросли сектантскія организаціи? Да потому, что въ ихъ ряды вошли раскулаченные элементы, выгнанные изъ деревни и пріютившіеся здѣсь въ качествѣ рабочихъ“. Всѣ эти „объясненія“, нужны Олешуку для самоуспоко-

енія, для того, чтобы избѣжать убійственнаго вывода. Все это нужно для того, чтобы доказать, что „въ цѣломъ рядѣ мѣстъ должно говорить о дѣятельности классового врага, но никакъ не о ростѣ религиозности у рабочаго класса и колхознаго крестьянства“.

Олешукъ отмѣчаетъ, что религиозники направляютъ „главнѣйшя усилия на деревню“ „Центромъ дѣятельности религиозныхъ организацій, подчеркиваетъ онъ, на данномъ этапѣ является деревня. Основное содержаніе этой дѣятельности заключается, якобы, въ борьбѣ съ коллективизаціей“.

Новые методы работы религиозниковъ

„Въ селѣ Кирилловкѣ Средней Волги въ моментъ реализаціи финплана попъ является въ сельсовѣтъ и заявляетъ: „Что вы мучаетесь съ выполненіемъ финплана, дайте я вамъ помогу“. Затѣмъ попъ собираетъ одиночниковъ и говоритъ: „Если не будете выполнять плана, сейчасъ же уйду отъ васъ въ ЦЧО“.

Другой случай въ среднинскомъ районѣ Ленинградской области. Попъ явился въ сберкассу и попросилъ поручить ему распространеніе займа. Черезъ нѣкоторое время, когда были подведены итоги, оказалось, что попъ распространилъ въ своемъ селѣ займа въ 3 раза больше, чѣмъ избачъ.

Или въ той же Ленинградской области въ Порховскомъ районѣ былъ такой случай. Попъ выступилъ въ церкви съ проповѣдью,

въ которой сказалъ: „Граждане, тотъ фактъ, что вы ходите въ церковь, показываетъ что вы являетесь примѣрными вѣрующими, но вы совершенно не посѣщаете общихъ собраній сельсовѣта — вотъ это уже никуда не годится, это показываетъ, что вы являетесь плохими гражданами. Поэтому призываю васъ завтра же явиться на собраніе и приступитъ къ уборкѣ сѣна“.

Дѣятельность духовенства сильно тревожитъ безбожниковъ. Они всячески стараются опорочить ее.

„Фактовъ подобнаго рода можно было бы привести множество. О чемъ они говорятъ?“ спрашиваетъ Олешукъ и отвѣчаетъ: „Эти факты какъ разъ и подтверждаютъ ту часть рѣчи, тов. Сталина, гдѣ онъ говоритъ, что классовый врагъ отъ открытаго нападенія на совѣтскую власть перешелъ къ „дѣйствию тихой сапой“. Ибо чѣмъ инымъ какъ не тихой сапой, является елейный призывъ попа — этого махроваго реакціонера, паразита, весь вѣкъ своей живущаго на горбу народномъ — къ помощи и поддержкѣ совѣтской власти и ее начинаній. Вѣдь знаетъ же прекрасно этотъ попъ, что совѣтская власть его непримиримый врагъ, что социализмъ для него — гробъ. Знаетъ онъ великолѣпно, что тотъ самый заемъ, который онъ помогаетъ собирать, или тѣ самые собранія сельсовѣта, которыя онъ старается собирать, что они въ первую очередь на него же самого, попатунеядца, обрушатся. Знаетъ и тѣмъ не менѣе проявляетъ свою „общественность“, восклицаетъ т. Олешукъ.

Заключительныя слова этой клеветы на духовенство вскрывают истинную причину тревоги безбожниковъ: „попъ хочетъ быть хозяиномъ на селѣ“. Реальность этой угрозы и заставляетъ безбожниковъ бить тревогу. „Что означаетъ такая активность попа?“ съ озлобленіемъ и тревогой вопрошаетъ Ф. Олешукъ и отвѣчаетъ... „Внѣшиѣ какъ будто все хорошо, а по существу? По существу это значитъ, что хозяиномъ на селѣ хочетъ быть попъ.“

* * *

Другой методъ заключается въ томъ, что религіозныя организаціи уходятъ въ подполье. Факты подобнаго рода наблюдаются за послѣднее время въ цѣломъ рядѣ мѣстъ, напримѣръ въ западной Сибири, ЦЧО, на Уралѣ, Сѣверномъ Кавказѣ и др. Въ чемъ состоитъ этотъ уходъ? Онъ состоитъ въ томъ, что рядомъ съ открыто существующими, пользующимися всѣми законными правами молитвенными домами, создаются подпольные нелегальные, извѣстные только ограниченному количеству лицъ. Эти молитвенные дома создаютъ нерѣдко просто въ частныхъ жилыхъ помѣщеніяхъ. Оказывается, что кое гдѣ имѣлись подъ землей пишущіе машинки, самодѣльные печатные станки, приспособленія для поддѣлки червонцевъ, (!?) даже цѣлыя школы молодежи.

* * *

Кое гдѣ религіозниками примѣняются методы иезуитской работы. Тотъ или другой попъ или „старецъ“, какъ онъ себя величаетъ, сколачиваетъ вокругъ себя

группку „духовныхъ чадъ“ на обязанности которыхъ лежитъ не только слушаться своего старца, но и открывать ему всѣ помыслы свои, записывать всѣ мысли на бумажку и показывать „старцу“.

* * *

Надо сказать, что проникновеніе церковниковъ и сектантовъ въ колхозы съ цѣлью ихъ разложенія изнутри, является въ настоящее время однимъ изъ основныхъ, наиболѣе распространенныхъ методовъ работы религіозныхъ организацій. Въ качествѣ счетовода, кладовщика, конюха, тракториста въ колхозѣ можно сплошь и рядомъ видѣть бывшего попа, сектанта-проповѣдника, поповскаго ставленника, старосту, церковника-активиста и т. д. Какую работу эти „божьи люди“ ведутъ въ колхозахъ, врядъ ли стоить пояснять.

Напримѣръ въ коммунѣ „Золотое руно,“ (ст. Динская, Краснодарскій районъ) Н. И. Долгинъ, сынъ дьячка — скрылъ свое антисоветское прошлое, пролѣзъ въ партію и ухитрился стать секретаремъ ячейки ВКП(б). Долгинъ сплотилъ вокругъ себя антисоветскіе элементы и саботировалъ хлѣбозаготовки. Эта шайка разворовала около 500 центр. хлѣба. Долгинъ спаивалъ руководителей коммуны, чтобы легче было скрывать темные дѣла. Лучшихъ коммунаровъ затирали. Въ результатѣ 35 семей ушли изъ коммуны.

Въ колхозѣ „Коминтернъ“ (ст. Урупская) былъ замѣстителемъ предсѣдателя сынъ попа Шкотовъ. Тамъ въ активѣ числились Луценко (сынъ кулака и поли-

цейскаго сыщика), Сазоновъ (сынъ полицейскаго, прослужившаго въ полиціи 20 лѣтъ), М. Куяновъ (сынъ кулака) Василій и Петръ Енины (сыновья высланнаго кулака).

Въ колхозѣ „Прогрессъ“ (ст. Тифлисская, Крапоткинскій районъ) организаторомъ труда былъ активный сектантъ Васильевъ. вмѣстѣ съ бѣлогвардейцемъ предсѣдателемъ Бѣленцовымъ и сыномъ кулака полеводомъ Угнивенко онъ расхищалъ урожай. Захвативъ руководство колхозомъ, эта шайка стремилась настроить колхозниковъ противъ политики партіи и правительства, что бы развалить колхозъ. Она рѣшила въ счетъ хлѣбозаготовокъ „приступить къ вывозу сѣменнаго фонда, слагая съ себя всякую отвѣтственность за неосѣменение посѣвнаго клина 1933 года“. Кулацко-поповская свора особенно стремится проникнуть на должности счетоводовъ, кладовщиковъ и секретарей.

Попъ-бухгалтеръ въ колхозѣ „Молотъ“ (Корневскій районъ) систематически давалъ ложныя свѣдѣнія о ходѣ хлѣбозаготовокъ и о количествѣ хлѣба въ колхозѣ. Въ сводкѣ райкому партіи онъ сообщилъ, что заданіе по колосовымъ выполнено, и что въ колхозѣ не осталось ни зерна. На самомъ дѣлѣ колхозъ тогда не додалъ государству еще 165 центн. ячменя и имѣлъ въ амбарахъ 195 центн. товарнаго зерна.

Въ колхозѣ „Красный партизанъ“ (Бѣлоглинскій районъ) въ бригадѣ № 1—2 учетчикомъ работалъ бывший бѣлогвардеецъ Димитріенко. Онъ же былъ и регентомъ въ церкви. Тѣмъ, кто

добросовѣстно работалъ, Димитріенко не считалъ трудодни, а тѣмъ, кто въ поле и носа не показывалъ, записывалъ ихъ регулярно. Это привело къ тому, что изъ 80 трудоспособныхъ на работу выходило не болѣе 20 человекъ.

Пронырливые мракобѣсы аттаковали и совхозы. Оказался засореннымъ чуждыми элементами Бѣлоглинскій зерносовхозъ. Счетоводомъ отдѣла снабженія сидѣлъ тамъ сынъ діакона Перенакинъ, пріемщикомъ зерна была дочь псаломщика Омельченко, здѣсь же устроился сбѣжавшій изъ Средняго Горлыка сынъ попа Ермаковъ (отецъ его активно участвовалъ въ контрреволюціонномъ заговорѣ). Поповскій активъ злобно увивалъ отъ сдачи хлѣба государству.

Активный церковникъ станціи Ново-Мышастовской (Краснодарскій районъ) Филиппъ Соловей наотрѣзъ отказался выполнять заданіе и подбивалъ къ тому-же сосѣдей единоличниковъ. Такихъ фактовъ немало“.

* * *

„Слѣдуетъ упомянуть также, что въ практику дѣятельности служителей культа вошло такъ называемое „странствование“. „Попъ-передвижка“ сталъ довольно обычной фигурой въ цѣломъ рядѣ районовъ. Предпримчивый батя захватываетъ въ узелочекъ все необходимое культовое имущество и, отъ села къ селу, отъ базара къ базару переѣзжая на лошади, выполняетъ по заказу требу и не даетъ забывать вѣрующимъ о Богѣ.“

* * *

Наконецъ нельзя обойти еще одно очень характерное явление, наблюдающееся сейчасъ въ религиозномъ лагерѣ — это **созданіе единого фронта всей поповщины для борьбы съ совѣтской властью**. Поповщина собственно говоря, никогда не держалась строго своихъ религиозныхъ догматовъ, если дѣло шло о борьбѣ съ трудящимися. Православный попу объединялся съ католическимъ, мулла съ раввиномъ, и всѣ вмѣстѣ вѣрой и правдой служили царю и капиталу. Въ эпоху гражданской войны, въ октябрьскую революцію мы видѣли много примѣровъ совмѣстныхъ выступлений церковниковъ и сектантовъ противъ совѣтской власти. **Сейчасъ эта совмѣстная работа принимаетъ исключительно широкій, систематическій и организованный характеръ**. Самые разнообразные религиозные теченія, постоянно враждовавшіе до этого другъ съ другомъ блокируются на общей антисовѣтской платформѣ. Староцерковникъ рука объ руку выступаетъ съ обновленцемъ, сектантъ съ церковникомъ, православный попу съ католическимъ ксензомъ, мулла съ раввиномъ и т. д. Всѣ религиозные противорѣчія какъ бы стерлись. Всѣ догматическіе разногласія на время спрятаны въ карманъ. (Олещукъ.)

* * *

Несмотря на всѣ „чистки“ и „просѣвы“ гонимые „служители культа“ проникаютъ во всѣ сов. учреждения, ведутъ и здѣсь борьбу съ безбожіемъ.

Газета „Безбожникъ“ въ одномъ только № (7. II. 33) приводитъ рядъ любопытныхъ фактовъ.

„Въ Коломенскомъ районѣ отв. секретарь райсовѣта Поддубскій бросилъ работу и сбѣжалъ съ бывшимъ попомъ“.

„Въ санитарно-курортномъ трестѣ Мосздрава на антирелигиозную работу ячейка выдвигала Васьяконьяна — бывш. попа. После предупрежденія, что на отвѣтственной культурно-политической работѣ его использовать нельзя, его направили на работу отвѣтственного исполнителя по кролиководству“.

„Врагъ для дѣтей устраиваетъ елочки, заманивая дѣтей изъ рабочихъ семей, и стараясь привить дѣтямъ религиозную идеологию“.

„Семеновъ — еще недавно былъ діаконъ — сейчасъ — предсѣдатель колхоза. Рождество колхозники справляли“. (Безб. 7. II. 33.)

* * *

„Контръ-революція“ подстерегаетъ на каждомъ шагу, облекается въ такія формы, что неискушенному воображенію трудно даже представить . . .

Въ Одессѣ на бульварахъ появилось много „подозрительныхъ типовъ“, предлагающихъ желающимъ посмотреть на луну въ телескопъ . . . Желающихъ „полюбопытствовать“ много . . . Оказывается — это „Замаскированная контръ-революція . . .“

На вопросъ „отчего луна большая и бѣлая“ отвѣчаютъ — „оттого, что тамъ кушаютъ бѣлый хлѣбъ“ . . . Упоминаніе о томъ, что на лунѣ ѣдятъ бѣлый хлѣбъ — по мнѣнію газеты — „антисовѣтская пропаганда“ (Безб. 25. X. 32.)

Попугай съ билетиками („счастье“) и тѣ оказываются, „ору-

діями контръ-революціи и проводниками религиознаго дурмана.“

На листочкахъ, вытаскиваемыхъ безобидными попками содержится опаснѣйшая пропаганда . . . Тамъ написано — „При началѣ cadaго дѣла вспоминай Бога, вѣруй въ Него, и Онъ не оставитъ тебя“ или „Трудно тебѣ, надѣйся на Бога, живи въ правдѣ, и дѣло твое окончится въ твою пользу“ (Шишаковъ „Религія и колхозное строительство“).

* * *

Пятнадцать лѣтъ стараются „добить врага“, нѣсколько разъ провозглашали объ его окончательной гибели . . . А „гибнущій врагъ“ возрождается, на побѣдителей, „съ боемъ идетъ“ . . . И „побѣдителямъ“ приходится писать, что „наше мышленіе организовано такъ, что въ немъ заключается — путемъ односторонняго превращенія „обрывка дѣйствительности“ въ прямую линію, ведущую въ поповское болото — возможность возрожденія религіи“ (Олещукъ „17 партконференція и задачи антирелигиоз. работы“)

„Даже при закрытіи всѣхъ молитвенныхъ домовъ — признается тотъ же авторъ — религія еще будетъ существовать, и борьба съ ней должна продолжаться“ (тамъ-же). И. Л.

Письмо въ редакцію журнала „Вѣстникъ“.

Ознакомившись съ передовой статьёй предпоследняго № „Вѣ-

стника“ за 1933 г. (IX—X), мы, участники Общаго Съѣзда Р. С. Х. Д. за Рубежомъ въ 1933 г., утверждаемъ, что въ указанной статьѣ допущена большая неточность.

Вопросъ о націонализмѣ и о национальной работѣ въ Движеніи на общихъ собраніяхъ Съѣзда вовсе не обсуждался, поэтому не только съѣздъ не подтверждалъ „со всей силой и рѣшительностью, что въ работѣ Движенія нѣтъ и не можетъ быть нарушенія принципа аполитичности“ и т. д., но и вообще неизвѣстно — призналъ ли бы или нѣтъ Съѣздъ наличіе этихъ самыхъ тенденцій въ Движеніи, если бы онѣ были непосредственнымъ предметомъ обсуждения.

Настоящее письмо просимъ помѣстить въ ближайшемъ номерѣ „Вѣстника“.

Ф. Пьяновъ
Г. Федотовъ
М. Марія.

Редакція напоминаетъ, что какъ разъ на засѣданіи 19 (вечеръ) и 20 (утро) сентября вопросъ и ставился и обсуждался. Онъ же былъ предметомъ сужденій и совѣта, предшествованнаго съѣзду. И на съѣздѣ и на совѣтѣ лицами, выступавшими по этимъ вопросамъ, было подчеркнuto, что Движеніе было и остается строго вѣрнымъ принципу аполитичности.

Редакторъ: **И. ЛАГОВСКІЙ**.

Адресъ Редакціи: **I. LAGOVSKY, 10, Boulevard Montparnasse, Paris (XV).**

Tél.: Ségur 31-68.

Изданіе Р. С. Х. Движенія за Рубежомъ.

„ВѢСТНИКЪ“

просить всѣхъ читателей, возобновляющихъ (или прекращающихъ) подписку увѣдомить объ этомъ и внести подписную плату возможно скорѣе на адресъ редакціи или конторы. Своевременный взносъ подписной платы — огромная помощь „Вѣстнику“.

Въ случаѣ невозможности выслать подписную плату за границу, „Вѣстникъ“ просить направлять деньги представителю журнала для данной страны.

Пробные № № по первому требованію высылаются бесплатно.

Деньги въ редакцію можно посылать почтовымъ переводомъ, чекомъ, или въ заказномъ письмѣ, въ любой валютѣ.

Пріемъ рукописей, объявленій, выдача справокъ и указаній, а также получение подписной платы на „Вѣстникъ“ производится :

АМЕРИКА : 1) N. Stember. 56. East 122 nd str. NEW-YORK. City.

2) T. Karpovitch, 67 Walker st. CAMBRIDGE.

3) Rt. Rev. A. Viacheslavoff, 1520, Green Str. San-Francisko Calif.

АНГЛИЯ : V. Rastorgoueff, 80, Marchmont Str. LONDON W. C. I.

БОЛГАРИЯ : Е. Наумовъ, СОФИЯ. Регентска 38.

БЕЛЬГИЯ : Mme M. A. Petroff, Jette St.-Pierre, Hopital Brugmann. BRUXELLES.

ГЕРМАНИЯ : 1) A. Pawlowitsch, Tempelhofer Ufer, 18¹¹, BERLIN, S. W. 61.

2) Fürst D. Obolensky. Carlovitzstr. 15 DRESDEN.

3) W. Schwезoff Bahnhofstr. 6. II FREIBERG I. Sa.

МАНЖУКО : 1) В. Коченева, Ажихейская ул. 60. кв. 4. HARBIN.

ЛАТВІЯ : 1) N. Litvin, Turgeneva iela 21 a, dz. 8. RIGA.

2) M-ele P. Krukovsky, Krasta iela 21. DAUGAVPILS.

ПОЛЬША : 1) E. Polonska, Aleje Ujazdowskie 6/8 Obserwator. Astron. Warszawa. 2) „Dobro“, ul. Krakowskie Przedmiescie 53. WARSZAWA.

ФИНЛЯНДИЯ : 1) A. Schavoronkova Luostarinkatu 9 as. 2. VIIPURI. 2) M. Reiche, KELLOMÄKI.

ФРАНЦІЯ : 1) Въ редакціи Вѣстника 10, Bd. Montparnasse, PARIS. XV.

R. P. A. Eltchaninoff. Pavillon du Lotissement, av. de la Parc Imperial Nice (A. M.).

ЧЕХОСЛОВАКІЯ : 1) S. Malloj Tynska 19. Praha I.

2) N. Lupandin Kucuricna c. 1. BRATISLAVA.

3) A. Vissarionoff, 18, Kralovopolska Zabovresky. BRNO.

ЭСТОНИЯ : 1) N. Golubeva. Vaestekooli 15-5. TALLINN.

2) H. Lange. TARTU. Kalda t. 10.

2а) T. Lagovskaja, отдѣленіе конторы, Maarjamõisa 14, TARTU.

3) S. Nikitiņ. Linaketramise vabrik. Põlvitsovi maja. NARVA.

4) A. Petchnikova Smolenskaja 28, PETSERI.

РУМЫНІЯ : L. Gloukhoff. Tescani, jud Bacau.

ЛИТВА : E. Sokolsky, Italiõs 56 KAUNAS.

ЮГОСЛАВІЯ : N. Ribinski, Kosovska, 51. БЕОГРАД.

K. Mattieseni trükikoda o/ü., Tartu 1934.

Le Gerant : R. P. Leon Gillet.

Vastutav toimetaja Eestis : Tamara Lagovski, Tartus, Maarjamõisa tän. 14, 4.

Vastutav väljaandja Eestis : Leo Schumakov, Tartus, Kevade tän. 5, 4.